

Оригинальная статья/ Original article

УДК 340.11

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.3.54-64>**Аналитика функциональных возможностей правовой процессуальной политики****Э.Е. Исаев***Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия**eee.isaev@gmail.com***Аннотация**

В настоящей статье осуществлен анализ функциональных возможностей правовой процессуальной политики с точки зрения ее доктринальной аргументации и практической реализации. Рассмотрены четыре основные функции правовой процессуальной политики: доктринальная, управленческая, организационная и контрольно-надзорная – как ключевые элементы государственной деятельности в сфере обеспечения справедливости, законности и защиты прав участников судебного процесса. Особое внимание уделено проблемам целеполагания в современном процессуальном законодательстве, фрагментарности целей и задач правоприменения, недостаткам управления и организации судебной деятельности, а также неопределенности в системе надзора. Как показывает анализ, эффективное развитие правовой процессуальной политики возможно лишь при условии системного подхода, методологически объединяющего нормативный, функциональный и аксиологический аспекты. Важным инструментом повышения результативности и транспарентности правосудия выступает правовая аналитика, способствующая объективной диагностике, научному обоснованию и прогнозированию последствий применения права. Подчеркивается необходимость перехода от масштабированного применения процессуальных норм к целевой результативности, основанной на принципах справедливости, законности, доступности и технологической модернизации судебной системы.

Ключевые слова: правовая процессуальная политика, функции правовой процессуальной политики, правовая аналитика, целеполагание, эффективность правосудия, доктринальная функция, управленческая функция, организационная функция, контрольно-надзорная функция

Для цитирования: Исаев Э.Е. Аналитика функциональных возможностей правовой процессуальной политики // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 3. С. 54–64. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.3.54-64>.

Analytics of the functional capabilities of legal procedural policy**E.E. Isaev***Kazan Federal University, Kazan, Russia**eee.isaev@gmail.com***Abstract**

This article analyzes the functional potential of legal procedural policy as a doctrinal and practical tool. Its four main functions were identified: doctrinal, managerial, organizational, and supervisory, each playing a critical role in the state's efforts to ensure justice, uphold the rule of law, and protect of the rights of participants in the judicial process. The problems of goal setting in modern procedural legislation,

the fragmentation of goals and objectives in law enforcement, poor court management and organization, and ambiguities in the supervisory system were critically examined. The analysis shows that the effective development of legal procedural policy is possible only under the condition of a systematic approach that methodologically combines normative, functional, and axiological aspects. Legal analytics emerges as an important mechanism for increasing the effectiveness and transparency of justice through objective evaluation, rigorous doctrinal analysis, and forecasting of the consequences of the application of law. The need to shift from the broad application of procedural rules to their targeted outcome-oriented effectiveness based on the principles of fairness, legality, accessibility, and technological modernization of the judicial system was emphasized.

Keywords: legal procedural policy, functions of legal procedural policy, legal analytics, goal setting, effectiveness of justice, doctrinal function, managerial function, organizational function, supervisory function

For citation: Isaev E.E. Analytics of the functional capabilities of legal procedural policy. *Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research*, 2025, vol. 167, no. 3, pp. 54–64. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.3.54-64>. (In Russian)

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью системного осмысления правовой процессуальной политики как самостоятельного направления государственной деятельности, которое напрямую влияет на качество правосудия, уровень доверия граждан к судебной системе и соблюдение принципов законности и справедливости. В условиях цифровизации общества, повышения требований к доступности и прозрачности правоприменения, а также динамичного развития юридической науки возникает настоятельная потребность в аналитическом подходе к оценке функциональных возможностей правовой процессуальной политики, основанном на единстве целей, ценностей и механизмов реализации.

Особое значение приобретает вопрос о соотношении целей, ценностей и функций правовой процессуальной политики. Цель выступает определяющим фактором, задающим направление политики; ценность обеспечивает ее аксиологическую обоснованность, а функции представляют собой конкретный механизм реализации. При этом важно, чтобы формулировка целей не носила декларативный характер, а строилась на основе анализа социальных потребностей, тенденций развития права и государства, судебной практики. То же самое относится и к ценностям: справедливость, равенство, достоинство личности и другие принципы должны быть не абстрактными установками, а действующими факторами, влияющими на содержание и применение процессуальных норм.

Материалы и методы

В обозначенных условиях особую значимость приобретает использование правовой аналитики как методологической основы, позволяющей объективно диагностировать проблемы, прогнозировать последствия применения права и предлагать изменения, соответствующие современным вызовам времени. Как отмечают Р.Ф. Степаненко и Л.Т. Бакулина, «правовая аналитика не является в настоящее время традиционно-правовой дисциплиной цикла юридических наук, которая, однако, сегодня динамично генерирует межотраслевой и междисциплинарный контент в проблемное пространство методологии гуманитарного знания и шире» [1, с. 254]. Правовая аналитика становится не просто вспомогательным средством, но ключевым элементом эффективного развития правовой процессуальной по-

литики, обеспечивающим научное обоснование принимаемых решений, повышение прозрачности всей системы правосудия и переход от эпизодичного применения норм к целевой результативности.

Правовая процессуальная политика как самостоятельное направление государственной деятельности реализуется посредством совокупности взаимосвязанных функций, каждая из которых выполняет определенную роль в обеспечении целостности, законности и эффективности системы правового процесса. Ее ключевые функции – доктринальная, управленческая, организационная и контрольно-надзорная – находятся во внутреннем единстве, и нарушение одной из них неизбежно отражается на выполнении остальных, снижая общую результативность правовой политики. При этом важно подчеркнуть, что с развитием общественных отношений и эволюцией судебного процесса перечень функций правовой процессуальной политики не является исчерпывающим и, несомненно, будет дополняться новыми направлениями. Это позволяет рассматривать правовую процессуальную политику не как замкнутую систему, а как динамическое явление, способное адаптироваться к новым вызовам и требованиям времени.

Как уже было отмечено нами ранее, юридический процесс выступает «основной формой реализации целей правовой процессуальной политики»¹. Это подчеркивает, что все ее функции должны быть ориентированы на обеспечение реального соответствия судебной практики принципам справедливости, законности и доступности правосудия. Без четкого баланса между нормотворческой, управленческой и аналитической деятельностью невозможно построить устойчивую и эффективную систему правового регулирования судопроизводства. Собственно методология практической процессуальной деятельности имеет своим целеполаганием предметное взаимодействие перечисленных функций правовой процессуальной политики, доктринально обоснованных юридической наукой. На межотраслевом уровне это взаимодействие репрезентируется в первую очередь коммуникацией теоретического правового и государствоведения с процессуальным правом, усиливая доктринальную обоснованность исследуемой проблематики.

Результаты и обсуждение

В обозначенном смысле доктринальная функция правовой процессуальной политики заключается в теоретическом осмыслении процессуального права, разработке научных концепций, направленных на его совершенствование, а также обосновании методологических подходов к применению норм в реальной судебной практике. Она предполагает постоянный анализ состояния и качества процессуального регулирования, исследование тенденций развития судопроизводства и подготовку предложений по преодолению пробелов и противоречий в действующем законодательстве. Однако на практике эта функция часто недооценивается: научные разработки редко находят свое отражение в законопроектной деятельности, а формулировки целей и задач в кодифицированных актах остаются декларативными.

Как отмечает Д.Х. Валеев, «данная задача может быть успешно решена через сбалансированную, устойчивую и универсальную систему процессуальных гарантий, предложенных доктриной и установленных в законодательстве...» [2, с. 346]. Эта точка зрения демонстрирует важность тесного взаимодействия юридической науки с законодательной и судебной практикой, поскольку именно такая интеграция позволяет преодолеть деклара-

¹ Исаев Э.Е. Цели и ценности правовой процессуальной политики России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2024. С. 15.

тивность целеполагания и обеспечить реальное соответствие норм общественным интересам. По мнению того же автора, процессуальные гарантии представляют собой концепты «правового механизма, выражающегося в совокупности предусмотренных законом средств (нормативная основа) и определяемых на их основе способов (действий по реализации целей), в единстве обеспечивающих достижение целей и задач...» [3, с. 23–24], что позволяет утверждать: задача доктринальной функции правовой процессуальной политики – не просто декларировать права, но и предлагать инструменты их реального обеспечения, основанные на принципах справедливости, доступности и законности.

Как показывает опыт, отсутствие системного механизма внедрения результатов правовых исследований в нормотворчестве ограничивает влияние доктрины на развитие процессуального права. Это приводит к тому, что юридическая наука становится все более отдаленной от судебной практики, что снижает качество правового регулирования. Кроме того, отсутствие четко обозначенных целей в большинстве правовых актов, регулирующих судебный и иные виды юридического процесса, также является острой проблемой². Как отмечает Р.Ф. Степаненко, законодательство зачастую ограничивается формулировками задач или принципов, игнорируя необходимость системного целеполагания. Вследствие этого нормы реализуются стихийно, без ясного понимания их предназначения, что снижает эффективность правоприменения и порождает неопределенность у участников процесса [4, с. 48]. Таким образом, реализации доктринальной функции правовой процессуальной политики препятствует проблема слабой связи научных гипотез и идеи с законодательной практикой. Отсутствие системного механизма внедрения результатов исследований в правоприменение ограничивает влияние доктринальной функции и требует более тесного взаимодействия между наукой и правовой процессуальной практикой.

Управленческая функция направлена на планирование, координацию и организацию деятельности органов, осуществляющих правосудие. Она предполагает наличие стратегического подхода к развитию судебной системы, подразумевающего долгосрочные цели, четкие критерии оценки эффективности и прозрачные механизмы реализации решений. Управление в рамках правовой процессуальной политики требует не только административного контроля, но и глубокого понимания правовой природы процессуальных отношений. Например, обеспечение равноправия сторон, соблюдение сроков рассмотрения дел и доступность правосудия требуют не формального исполнения процедур, а аналитически обоснованного подхода к организации судебной деятельности. На практике же наблюдается значительная степень дезорганизованности: нагрузка на суды распределена неравномерно, кадровый состав не всегда соответствует требованиям времени, а инструменты управления зачастую остаются прежними, несмотря на стремительное развитие цифровых технологий. Наблюдается дублирование полномочий между различными уровнями управления, нерациональное распределение нагрузки между судами различных инстанций и отсутствие единых критериев оценки качества судебной работы. Особенно остро эта проблема проявляется в регионах, где уровень обеспеченности квалифицированными кадрами и техническими средствами значительно ниже, чем в центральных судах. Управление судебной деятельностью часто осуществляется без аналитического обоснования, что приводит к неэффективному использованию ресурсов и снижению оперативности при рассмотрении дел.

² *Исаев Э.Е.* Цели и ценности правовой процессуальной политики России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2024. С. 10.

Следовательно, управленческая функция правовой процессуальной политики требует модернизации, направленной на повышение прозрачности, прогнозируемости и адаптивности системы управления правосудием.

Реализация организационной функции сталкивается с проблемами материально-технического обеспечения, подготовки кадров и цифровизации судебной деятельности. В условиях стремительного развития информационных технологий многие суды остаются недостаточно оснащенными, а сотрудники не обучены работе с новыми системами. Без должного уровня оснащения судов, наличия квалифицированных специалистов и современных технологий невозможно говорить о полноценном функционировании правовой системы. Особенно актуальным становится вопрос организации судебной деятельности в условиях цифровизации, когда все большее число процессуальных действий осуществляется в электронном виде. При этом важно, чтобы развитие технологий не снижало уровень защиты прав участников процесса, а напротив, повышало его. Иначе оно создает барьеры для полноценного перехода к электронному судопроизводству, ограничивая возможности участников процесса в доступе к правосудию.

Кроме того, наблюдается несоответствие между формальными требованиями к организации процесса и реальными условиями его проведения. Например, принцип равноправия сторон иногда нарушается из-за недостаточной технической поддержки одной из сторон, что ставит ее в заведомо проигрышное положение. Организационная функция правовой процессуальной политики должна быть направлена на создание условий, в которых процессуальное право может эффективно реализовываться в интересах граждан, общества и государства, что требует как финансовых, так и новых методологических усилий и подходов. Сегодня в ряде регионов страны наблюдаются недостаточная обеспеченность техническими средствами, слабое обучение персонала работе с новыми системами, а также дефицит квалифицированных кадров. Все эти факторы ограничивают возможности для качественного и справедливого правоприменения, подчеркивая необходимость усиления внимания к организационному аспекту правовой процессуальной политики.

Контрольно-надзорная функция играет ключевую роль в обеспечении законности и качества правоприменения. Она предполагает проверку соблюдения процессуальных норм, выявление нарушений и принятие мер по их устранению. Особое значение эта функция приобретает в условиях, когда наблюдается разрыв между формальной законностью и реальным качеством судебной деятельности. Для преодоления подобного явления необходимо усиление профилактической направленности надзора, основанного на системном анализе судебной практики и выявлении типовых нарушений. Мониторинг массовых жалоб, анализ отмененных решений, изучение причин затягивания сроков рассмотрения дел – все это должно стать основой для формирования рекомендаций по повышению качества правосудия. Только при таком подходе контрольно-надзорная функция сможет выполнять свою главную задачу – обеспечивать не только формальную законность, но и реальную справедливость, которые обосновываются юридической наукой. Как подчеркивал С.А. Муромцев, «правовая политика есть не что-нибудь иное, как искусство управления делами общества, и потому она должна опираться на самые широкие юридические знания, чтобы быть действительно полезным орудием для государства» [5], что подчеркивает необходимость социальной направленности и справедливости в практическом применении права.

Однако для реализации обозначенных целей недостаточно формального следования нормам – необходимо опираться на систему фундаментальных правовых ценностей, которые

обеспечивают не только внешнюю законность, но и внутреннюю справедливость принимаемых решений, не умаляя достоинство участников юридического процесса. В указанной связи интерес представляет подход, предложенный В.Н. Корневым, который рассматривает достоинство личности как одну из базовых правовых ценностей, лежащих в основе принятия юридически значимых актов. По его мнению, «достоинство личности – это не есть юридическая фикция, это явление, которое лежит в основе принятия юридически значимых актов» [6, с. 23]. Такое понимание достоинства личности позволяет утверждать, что задача правовой процессуальной политики – не просто декларировать принципы, но и создавать условия для их практической реализации особенно в сфере обеспечения доступности, справедливости и законности. Только в таком случае правовая политика может быть направлена на защиту человеческого достоинства, что является универсальным критерием оценки справедливости принимаемых решений.

Реализации контрольно-надзорной функции препятствует проблема эпизодичности и формализма в осуществлении надзора. Существующая система проверок зачастую фиксирует уже допущенные нарушения, но не предотвращает их возникновение. Это создает эффект «допустимой неправомерности», при котором нарушения выявляются лишь в отдельных случаях, но остаются неучтенными в массовой практике. Мониторинг жалоб показывает, что типичными проблемами являются нарушение сроков рассмотрения дел, недостаточная мотивировка решений и необоснованное прекращение производства. Для повышения эффективности контрольно-надзорной функции необходимо внедрять и использовать различные аналитические подходы, позволяющие не только выявлять нарушения, но и прогнозировать их причины, а также разрабатывать рекомендации по их предупреждению. Как уже было ранее отмечено Р.Ф. Степаненко и Л.Т. Бакулиной, «междисциплинарность сегодня... есть та самая ее методологическая основа, рационально транслируемая формальной и диалектической логикой в правовую реальность» [1, с. 260]. Только таким образом можно обеспечить не просто формальное соблюдение процедур, но и реальную справедливость в правоприменении. Эта задача становится возможной лишь при понимании объективной природы правопорядка, каковым его рассматривает П.П. Ланг. По его мнению, «правопорядок представляет собой результат эволюционного процесса общественных отношений, определяющий его функциональные особенности в совокупности, формируемый посредством государственного регулирования и отражающий действительное упорядоченное состояние общества» [7, с. 13]. Такое понимание позволяет видеть в надзоре не просто инструмент контроля за соблюдением процедур, но и механизм, ориентированный на устойчивое развитие правового порядка, соответствующего реальным потребностям общества.

Другая существенная проблема – это фрагментарность и противоречивость законодательства, связанная с множественностью нормативных актов, регулирующих одну и ту же сферу правоотношений. В результате возникает ситуация, когда различные ведомственные и локальные нормы не согласованы между собой, а иногда даже находятся в прямом противоречии с федеральным законодательством. Такая несогласованность порождает практику, которую Ю.А. Тихомиров называет «допустимой неправомерностью» [8, с. 58], когда нарушение закона становится повседневной реальностью, при этом формально признаваемой неприемлемой. По наблюдению автора, правоприменение в условиях многообразия норм и их дисгармонии приобретает форму эпизодического воздействия, когда правовые предписания исполняются выборочно, ситуативно, без системного охвата всей совокупности

действующих норм, что подчеркивает необходимость перехода от случайного применения права к целевой результативности.

Однако системный подход к правоприменению предполагает не только согласование норм между собой, но и четкое понимание тех ценностных оснований, на которых строится правовая процессуальная политика. Одним из важнейших ее ориентиров должно быть обеспечение реального равенства возможностей для участников процесса, поскольку формальное равенство без доступа к правосудию, инструментам защиты и средствам реализации решений остается декларативным. Как отмечает Е.А. Фролова, «правовое равенство согласно этой теории не предполагает фактического уравнивания всех людей, здесь речь идет об уравнивании возможностей для развития личности...» [9, с. 59]. Приведенная формулировка позволяет утверждать, что задача правовой процессуальной политики – не просто провозглашать принципы, но и создавать условия для их практической реализации. Для этого необходимо усиление роли юридической науки в обосновании ценностей, целей, гарантий, принципов юридического процесса.

Современное состояние правовой процессуальной политики демонстрирует наличие значимых барьеров на пути ее развития, обусловленных не только внутренней рассогласованностью нормативной и процессуальной базы, но и влиянием внешних факторов – таких как трансформация общественных отношений, технологические изменения и модификации в восприятии права всеми участниками юридического процесса. Таким образом, развитие правовой процессуальной политики в современных условиях требует не только преодоления существующих проблем, но и активного поиска новых подходов, основанных на принципах системности, открытости, аксиологической направленности и технологической модернизации. Только такой комплексный подход позволит обеспечить переход от эпизодического применения права к целевой результативности, о которой так много говорится в современной юридической литературе.

Анализ состояния правовой процессуальной политики, ее целеполагания, ценностных ориентиров, функциональных возможностей и перспектив развития позволяет сделать вывод о том, что эта область юриспруденции находится на перепутье между сложившимися подходами и необходимостью их кардинального обновления. В условиях динамичного развития общественных отношений, цифровизации судебной системы, использования ИИ, повышения требований к доступности и справедливости правосудия становится очевидной не только актуальность системного осмысления роли правовой процессуальной политики в правовой системе, но и настоятельная потребность в нем. Как отмечает В.В. Лазарев, «мы и сегодня можем вслед за Г.Ф. Шершеневичем ощущать неудовлетворенность правопорядком и различать критику в бессознательной или в сознательной оценке» [10, с. 22], что является важным направлением в становлении критического подхода к праву.

Не менее значимой выглядит проблема системности правоприменения, поскольку эффективное функционирование правовой процессуальной политики невозможно без комплексного подхода, охватывающего не только нормативную базу, но и институциональную, организационную и ресурсную составляющие. Сегодня наблюдается разрыв между теоретическим пониманием правового процесса и его практической реализацией, что связано с недостаточной подготовкой кадров, слабым материально-техническим обеспечением судов и других органов, а также с отсутствием единой стратегии развития судебной системы. Как отмечает В.В. Лазарев, «простой гражданин или предприниматель ощущает стеснение от правовых установлений, не зная ни их причин, ни того, как их устранить» [10, с. 22], что подчеркивает актуальность проблемы взаимодействия науки и практики.

Подобную идею уже более ста лет назад развивал С.А. Муромцев, указывая на то, что «мы близки к веку свободы и демократии. В этом состоянии общественности... каждый сам призван стоять на страже свободы и равенства, ибо нет такой силы, которая могла бы создать их для человека, когда сознание их ему самому чуждо» [11, с. 20]. Это высказывание особенно важно в контексте современных вызовов: право становится по-настоящему действенным лишь тогда, когда не только закреплено в законе, но и соответствует социальным запросам, понимается населением и поддерживается научным анализом. Отсутствие такой связи между правом, наукой и обществом усиливает существующий разрыв между теорией и практикой, затрудняя реализацию справедливости и законности в повседневном правоприменении.

Таким образом, формальные гарантии прав и свобод все чаще противоречат реальным возможностям их реализации, о чем свидетельствует ситуация с доступностью правосудия. По мнению П.П. Ланга, «правовая деятельность, правовая реальность и правовое сознание соединяются исторически, и в отдельных знаковых случаях обнаруживается устойчивость, стабильность правового сознания» [12, с. 72]. Приведенное наблюдение указывает на то, что право становится по-настоящему действенным лишь тогда, когда оно соответствует не только нормам, но и сложившимся представлениям общества о справедливости и законности. Исходя из этого, становится ясно, почему формальные изменения в правовой системе часто оказываются малоэффективными в практическом правоприменении: если они не принимают во внимание исторический и культурный контекст правового сознания, они воспринимаются как внешние и чуждые. Несмотря на декларируемый приоритет защиты прав человека, на практике граждане сталкиваются с бюрократическими барьерами, материальными затратами, длительными сроками рассмотрения дел, сложностью процедур и ограниченной возможностью влиять на ход процесса. Особенно остро эта проблема стоит в регионах, где обеспеченность квалифицированными юристами и техническими средствами значительно ниже, чем в крупных мегаполисах.

Заключение

Несмотря на широкий круг проблем, существующих в процессуальной практике, необходимо говорить и о реальных перспективах развития правовой процессуальной политики. Во-первых, все более широкое внедрение цифровых технологий и ИИ в судебную практику открывает новые возможности для повышения эффективности и доступности правосудия. Электронное судопроизводство, автоматизация процессов, использование больших данных и искусственного интеллекта позволяют сокращать сроки рассмотрения дел, минимизировать человеческий фактор и повышать объективность принимаемых решений. Во-вторых, существует потенциал для усиления роли аналитики и прогнозирования в правоприменении. Как показывает опыт, применение методов правовой аналитики способствует выявлению тенденций, предотвращению ошибок и повышению качества законодательства. Анализ судебной практики может стать основой для корректировки действующих норм и совершенствования процедурного права. В-третьих, перспективным направлением представляется укрепление аксиологической основы правовой процессуальной политики, то есть ориентации на ценности справедливости, законности, достоинство личности и равенство всех перед законом. Именно эти ценности должны стать не декларативными установками, но руководящими принципами при разработке и реализации правовой политики.

Особого внимания заслуживает вопрос реформирования контрольно-надзорной деятельности, которая должна быть направлена не только на соблюдение формальных требований, но и на обеспечение реального соответствия процессуальных действий целям правосудия. Для этого необходимо повысить квалификацию контролирующих органов, внедрить единые стандарты надзора и создать условия для обратной связи между проверяемыми и проверяющими субъектами. Кроме того, сегодня существует острая необходимость в унификации условий работы судов в разных регионах. Различия в оснащении, уровне нагрузки, доступности правосудия и качестве правоприменения создают условия для несправедливости и снижают доверие граждан к судебной системе. Поэтому требуется не просто формальное соблюдение норм, но и глубокое аналитическое осмысление их соответствия современным общественным интересам и ценностям.

Важно, чтобы правовая процессуальная политика не воспринималась как производная от других видов правовой политики, а рассматривалась как самостоятельное явление, обладающее собственной логикой развития и механизмами реализации. Только такой подход позволит обеспечить переход от эпизодичности правоприменения к целевой результативности, которая станет основой доверия граждан к судебной системе и государственному устройству в целом. Поскольку методологически важно доктринальное определение функций с учетом динамично изменяющихся общественных отношений и постоянно расширяющейся законодательной базы, проблематика функциональных возможностей правовой процессуальной политики должна стать объектом научного интереса теоретического правоведения и отраслевых дисциплин с точки зрения эффективности функционирования современного процессуального права в России. Разработка новых подходов, синергия научных интересов теоретического правоведения и отраслевых наук, выработка и обновление понятийно-категориального аппарата юриспруденции подтверждают ее прогностическое значение. По наблюдению Р.Ф. Степаненко, «система правовых категорий окажется действительной лишь в том случае, если она не просто пассивно отражает реальность... но и – что не менее важно – с опережением отражает существующую реальность... когда закрепляет не только то, что есть, но и то, что должно быть», что подчеркивает необходимость проспективного подхода к формированию правовой политики [13, с. 50]. Именно поэтому правовая аналитика должна стать не просто вспомогательным средством, но и ключевым элементом правовой политики, обеспечивающим ее эффективность и соответствие целям справедливости, законности и защиты прав человека.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Литература

1. *Степаненко Р.Ф., Бакулина Л.Т.* Правовая аналитика как методологическая основа юриспруденции: общетеоретический аспект // Юридическая деятельность: содержание, технологии, принципы, идеалы / Под общ. ред. О.Ю. Рыбакова. М.: Проспект, 2022. С. 251–262.
2. *Валеев Д.Х.* Собрание сочинений: в 5 т. М.: Статут, 2025. Т. 2: Исполнительное производство. 2009. 368 с.
3. *Валеев Д.Х.* Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 52 с.
4. *Степаненко Р.Ф., Хамидуллина Ф.И.* Целеполагание в праве: общеправовые и теоретико-методологические проблемы // Государство и право. 2024. № 10. С. 45–54. <https://doi.org/10.31857/S1026945224100052>.

5. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права / Вступит. ст., коммент. Ю.И. Гревцова. СПб.: Изд. дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2004. 224 с.
6. Корнев В.Н. Достоинство личности как условие принятия справедливых решений в процессе правотворчества и правоприменения // Рос. правосудие. 2011. № 12 (68). С. 17–25.
7. Ланг П.П. Правопорядок: ценностно-правовой аспект // Рос. юстиция. 2022. № 10. С. 9–13. https://doi.org/10.52433/01316761_2022_10_09.
8. Тихомиров Ю.А. Правоприменение: от эпизодичности к целевой результативности // Журн. рос. права. 2017. № 1 (241). С. 55–62. <https://doi.org/10.12737/23702>.
9. Фролова Е.А. Идеи социального и правового государства в философии права П.И. Новгородцева // Государство и право. 2018. № 7. С. 57–65. <https://doi.org/10.31857/S013207690000214-7>.
10. Лазарев В.В. О критическом методе правоведения (по следам идейного наследия Г.Ф. Шершеневича) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2020. Т. 162, № 2. С. 17–29. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2020.2.17-29>.
11. Муромцев С.А. Избранное / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2015. 446 с.
12. Ланг П.П. Правовая реальность и правовая деятельность // Юридическая деятельность: содержание, технологии, принципы, идеалы / Под общ. ред. О.Ю. Рыбакова. М.: Проспект, 2022. С. 62–77.
13. Степаненко Р.Ф. Предвидение в праве: методологические возможности и перспективы // Государство и право. 2022. № 11. С. 47–54. <https://doi.org/10.31857/S102694520022759-5>.

References

1. Stepanenko R.F., Bakulina L.T. Legal analytics as a methodological foundation of jurisprudence. In: Rybakov O.Yu. (Ed.) *Yuridicheskaya deyatel'nost': sodержание, tekhnologii, printsipy, idealy* [Legal Work: Scope, Techniques, Principles, and Ideals]. Moscow, Prospekt, 2022, pp. 251–262. (In Russian)
2. Valeev D.Kh. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Vol. 2: Enforcement proceedings. Moscow, Statut, 2025. 368 p. (In Russian)
3. Valeev D.Kh. The system of procedural safeguards for the rights of citizens and legal entities in enforcement procedures. *Extended Abstract of Dr. Sci. (Law) Diss.* Yekaterinburg, 2009. 52 p. (In Russian)
4. Stepanenko R.F., Khamidullina F.I. Goal setting in law: General legal and theoretical methodological problems. *Gosudarstvo i Pravo*, 2024, no. 10, pp. 45–54. <https://doi.org/10.31857/S1026945224100052>. (In Russian)
5. Muromtsev S.A. *Opreделение i osnovnoe razdelenie prava* [Definition and Classification of Law]. Grevtsov Yu.I. (Introd. Article, Comment.). St. Petersburg, Izd. Dom S.-Peterb. Gos. Univ., 2004. 224 p. (In Russian)
6. Kornev V.N. Human dignity as a prerequisite for fair decisions during lawmaking and enforcement procedures. *Rossiiskoe Pravosudie*, 2011, no. 12 (68), pp. 17–25. (In Russian)
7. Lang P.P. Rule of law: A legal value. *Rossiiskaya Yustitsiya*, 2022, no. 10, pp. 9–13. https://doi.org/10.52433/01316761_2022_10_09. (In Russian)
8. Tikhomirov Yu.A. Law enforcement: From episodic to target performance. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*, 2017, no. 1 (241), pp. 55–62. <https://doi.org/10.12737/23702>. (In Russian)
9. Frolova E.A. The ideas of social and legal state in P.I. Novgorodtsev's philosophy of law. *Gosudarstvo i Pravo*, 2018, no. 7, pp. 57–65. <https://doi.org/10.31857/S013207690000214-7>. (In Russian)
10. Lazarev V.V. On the critical method of law (G.F. Shereshenevich and his ideological legacy). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 2, pp. 17–29. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2020.2.17-29>. (In Russian)

11. Muromtsev S.A. *Izbrannoe* [Selected Works]. Krashennnikov P.V. (Introd., Comp.). Moscow, Statut, 2015. 446 p. (In Russian)
12. Lang P.P. Legal reality and legal work. In: Rybakov O.Yu. (Ed.) *Yuridicheskaya deyatel'nost': sodержanie, tekhnologii, printsipy, idealy* [Legal Work: Scope, Techniques, Principles, and Ideals]. Moscow, Prospekt, 2022, pp. 62–77. (In Russian)
13. Stepanenko R.F. Foresight in law: Methodological possibilities and prospects. *Gosudarstvo i Pravo*, 2022, no. 11, pp. 47–54. <https://doi.org/10.31857/S102694520022759-5>. (In Russian)

Информация об авторе

Исаев Эдуард Евгеньевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: eee.isaev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7775-8221>

Author Information

Eduard E. Isaev, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Kazan Federal University

E-mail: eee.isaev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7775-8221>

Поступила в редакцию 13.05.2025

Принята после рецензирования 05.06.2025

Принята к публикации 12.06.2025

Received May 13, 2025

Revised June 5, 2025

Accepted June 12, 2025